

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ

Научная статья

УДК 930.85 37.026.1 93/94(4)

DOI: 10.20323/1813_145X_2023_1_130_218_225

EDN: ZQVOAT

К. Д. Ушинский и культурный поворот «казенной службы»: ярославский период, подготовка реформ и перехода к «современности»

Ходнев Александр Сергеевич

Доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского. 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1
khodnev@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9877-8862>

Аннотация. В статье анализируется ярославский период деятельности К. Д. Ушинского. Его приезд в Ярославль пришелся на переходный период, который в России продолжался с середины XIX до начала XX в., переход к «современности». В статье исследованы события, связанные с преподаванием Ушинского в Демидовском лицее и обозначившие начало его разнообразной социальной активности. Сделана попытка определить, что являлось главными трендами этого «*Zeitgeist*», духа времени для России, для Ярославля, для К. Д. Ушинского, и как это сказалось на становлении личности основателя российской научной педагогики. Своих передовых для того времени взглядов К. Д. Ушинский не скрывал. Однако николаевская эпоха была сложным и противоречивым периодом. Современные историки призывают оценивать ее не как эпоху полного застоя, а в связи с подготовкой великих реформ 1860-х гг. Следовательно, в николаевскую эпоху Россия находилась либо в состоянии подготовки перехода к модерности/современности, либо в самом начале этого процесса. Поскольку творческий потенциал К. Д. Ушинского полностью раскрылся в эпоху реформ в 1860-х гг., ярославский период его жизни второй половины 1840-х гг. полностью совпадает с определением «время подготовки реформ» и перехода от «казенной службы» к истинному служению народному просвещению. Особую ценность имеет дневник К. Д. Ушинского как подлинный документ эпохи перехода России к «современности». К. Д. Ушинский смог преодолеть эти «родимые метки» николаевской эпохи — с жесткой цензурой и всевозможными ограничениями. Ярославский опыт укрепил чувство гражданственности. Идеи К. Д. Ушинского оказались востребованными в России, когда начались реформы и произошел настоящий переход к «современности».

Ключевые слова: «современность»; модерность; модерн; николаевская эпоха; славянофилы; западники; К. Д. Ушинский; Ярославль

Для цитирования: Ходнев А. С. К. Д. Ушинский и культурный поворот «казенной службы»: ярославский период, подготовка реформ и перехода к «современности» // Ярославский педагогический вестник. 2023. № 1 (130). С. 218-225. http://dx.doi.org/10.20323/1813_145X_2023_1_130_218_225. <https://elibrary.ru/ZQVOAT>

HISTORICAL ASPECTS OF THE STUDY OF CULTURAL PROCESSES

Original article

K. D. Ushinsky and the cultural turn of the «soulless service»: the Yaroslavl period, the preparation of reforms and the transition to «modernity»

Aleksandr S. Khodnev

Doctor of historical sciences, professor, head of the department of general history, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1
khodnev@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9877-8862>

Abstract. The article analyzes the Yaroslavl period of Konstantin D. Ushinsky's activity. Ushinsky's arrival in Yaroslavl occurred during the transitional period in Russia from the middle of the XIX to the beginning of the XX century, the transition to «modernity». An attempt is made to determine what were the main trends of this «Zeitgeist», the soul of the times for Russia, for Yaroslavl, for K. D. Ushinsky, and how these things affected the formation of the personality of the founder of Russian scientific pedagogy. K. D. Ushinsky did not hide his advanced views. However, the Nikolaev era was a complex and controversial period. Modern historians call for assessing the era of Nicholas I not as complete stagnation, but as a time of preparation for the great reforms of the 1860s. Consequently, in the era of Nicholas I, Russia was either in a state of preparation for the transition to modernity, or at the very beginning of this process. Since the creative potential of K. D. Ushinsky was fully revealed in the era of reforms in the 1860s, the Yaroslavl period of his life in the second half of the 1840s completely coincided with the definition of «the time for preparing reforms» and the transition from «soulless service» to true service to public education. Of particular value is the diary of K. D. Ushinsky as an authentic document of the era of Russia's transition to «modernity». The Yaroslavl experience strengthened the sense of citizenship. The ideas of K. D. Ushinsky were in demand in Russia when the reforms and the real transition to «modernity» began.

Keywords: «modern era»; modern; modernity; Nikolaev era; Slavophiles; Westernizers; K. D. Ushinsky; Yaroslavl

For citation: Khodnev A. S. K. D. Ushinsky and the cultural turn of the «soulless service»: the Yaroslavl period, the preparation of reforms and the transition to «modernity». *Yaroslavl pedagogical bulletin*. 2023;(1): 218-225. (In Russ.). http://dx.doi.org/10.20323/1813_145X_2023_1_130_218_225. <https://elibrary.ru/ZQVOAT>

Введение

Дискуссии о возможности применения понятия «модерность/современность» в отношении Российской империи в последний период ее существования идут уже три десятилетия. Много путаницы возникает из-за того, что в русском языке трудно подобрать эквивалент английскому термину *modernity* [Хомяков, 2009, с. 58]. В заголовке данного текста в кавычках стоит слово «современность» потому, что в русском языке *современность* в обычном значении — это то, что существует сейчас, а не особый период истории — *modernity*, который в исторической хронологии всемирной истории занимает длительную эпоху с Просвещения и промышленной революции до начала XX в. и еще именуется как «Новое время». В нашем понимании, переходный период России с середины XIX до начала XX в. — это тоже переход к «современности». Что являлось главными трендами этого «Zeitgeist», духа времени для России? Как это сказалось на становлении личности основателя российской научной педагогики К. Д. Ушинского, который стал свидетелем и участником этого процесса?

Э. Д. Днепров писал: «До Ушинского педагогическое дело в России было только “казенной службой” и, отчасти, предметом любительских занятий. Ушинский впервые сделал образование сферой общественной инициативы и педагогическую деятельность гражданским поприщем» [Днепров, 2007]. Это — меткое определение роли К. Д. Ушинского в сложную переходную эпоху к современности. Многие зависело от социокультурного контекста, необходимого для того, чтобы

творческая личность выполнила это поворот. Начало было положено в Ярославле.

Исследования биографии К. Д. Ушинского — это большая научная область, которая пополняется важными изысканиями до настоящего времени [Груздев, 2022]. Большой вклад в исследование жизни и деятельности К. Д. Ушинского, в том числе ярославского периода, внес ярославский краевед, профессор кафедры географии ЯГПУ им. К. Д. Ушинского А. Н. Иванов [Иванов, 1963; Иванов, 1973]. В книге «Константин Дмитриевич Ушинский в Ярославле. Исследования и документы о научно-педагогической и литературной деятельности», помимо текстов А. Н. Иванова, представлены материалы о работе К. Д. Ушинского в Демидовском лицее, о редактировании им «Ярославских губернских ведомостей». А. Н. Иванов заложил основы новой перспективы исследований наследия К. Д. Ушинского — контекстного подхода к реконструкции личности педагога. Работы А. Н. Иванова помогают понять К. Д. Ушинского в контексте эпохи подготовки больших реформ.

К. Д. Ушинский приехал в Ярославль в 1846 г. — в 23-летнем возрасте, после окончания юридического факультета Московского университета. Энциклопедия Брокгауза и Ефрона сообщает, что его пригласили для преподавания в ярославский Демидовский лицей [Ушинский, 1907]. К. Д. Ушинский приступил к работе в лицее со 2 августа 1846 г. и выполнял обязанности профессора камеральных наук [Ушинский, 1948, с. 42], сочетая работу со студентами в аудитории с большим кругом других обязанностей: писал записки по улучшению учебного плана и препода-

давания дисциплин, выписывал для библиотеки новые книги и журналы, активно совершенствовал темы конкурсных сочинений студентов. Молодой преподаватель, насыщенный новыми столетними знаниями и духом московского университета, быстро вошел в коллектив лицея и вызвал большой интерес у студентов.

Своих передовых для того времени взглядов К. Д. Ушинский не скрывал. В одной из первых лекций Константин Дмитриевич так определил значение предмета преподавания: «Предметом этой области человеческого знания, к которой принадлежат и камеральные науки, является человеческое общество в его отношениях к людям и к материальной природе» [Ушинский, 1948, с. 52]. Это пояснение выходит далеко за прикладные рамки камеральных наук, популярной в XIX в. области знания для управления имуществом государства. В другой лекции К. Д. Ушинский предлагал студентам перспективу постижения этой прикладной области обязательно с учетом истории: «Человек развивается только в истории, только в истории сознает свое развитие — и нет истории без общества» [Ушинский, 1948, с. 64]. Широкий подход к камералистике как к дисциплине молодой профессор защищал в 1847 г. в речи на торжественном заседании Демидовского лицея. Все это подтверждает, что К. Д. Ушинский был не только хорошо образованным юристом, но человеком, по настоящему просвещенным, человеком эпохи перехода к «современности» (Modernity).

Ярославль в ту эпоху во многом соответствовал требованиям перехода к современности/модерности, и в то же время для этого российского города были характерны трудности, стоявшие тогда перед всей страной. Ярославль был намного меньше Москвы, знакомой К. Д. Ушинскому по учебе в университете, но город входил в двадцать самых больших центров, и опережал по количеству населения (33 тыс.) Нижний Новгород, но уступал Туле и Калуге. На городскую среду и застройку во многом влияла река Волга. Современный исследователь М. В. Нащокина подчеркивала, что, как и в большинстве волжских городов, основным градоформирующим фактором в Ярославле в XIX в. было развитие речного порта, подъездных путей, складских территорий, мостов, портовых инженерных сооружений и промышленности [Нащокина, 2018, с. 44].

Маркиз де Кюстин, травелог которого о России в 1839 г. не без оснований называют русо-

фобским, с почтением описал Ярославль: «Город, куда я прибыл, служит важною перевалочною станцией во внутренней торговле России. Через него Петербург сообщается также и с Персией, Каспийским морем и всею Азией. Здесь протекает Волга — великий и оживленный природный путь, и Ярославль служит национальной столицей водных сообщений, умело налаженных и образующих предмет гордости русских и один из главных источников их благосостояния» [Кюстин, 1996, с. 198].

В известном в XIX в. путеводителе для путешественников по Волге подчеркивались достопримечательности Ярославля: мощные спуски к Волге, мощные главные улицы и площади. Волжская набережная была «устроена» при губернаторе А. М. Безобразове в 1820-1827 гг. и обложена «крупным диким камнем», по верхней окраине которой проведена небольшая аллея, а остальная часть откоса покрыта дерном. Вверху устроен широкий бульвар с террасами, «обсаженный с уличной стороны деревьями, с береговой чугунною решеткой» [Боголюбов, 1862, с. 87].

Все это, несомненно, произвело впечатление на приехавшего в Ярославль К. Д. Ушинского. В 1860 г. он написал очерк «Путешествие по Волге», в котором описал свои впечатления: «Наконец мы у Ярославля. Какой это хорошенький, чистенький городок, когда смотришь на него с Волги! [...] На крутом мысу, который образуется при впадении реки Которосли в Волгу, белеет в зелени деревьев здание Демидовского лицея» [Ярославль, 1990, с. 247].

Наблюдения Ушинского о внешнем облике города в многом совпадают с впечатлениями другого известного россиянина XIX и ровесника Константина Дмитриевича — И. С. Аксакова, приехавшего в Ярославль весной 1849 г. по делам «казенной службы». В письмах родным И. С. Аксаков подробно описывает впечатления от Ярославля: «Город белокаменный, веселый, красивый, с садами, с старинными прекрасными церквями, башнями и воротами; город с физиономией. Калуга не имеет никакой физиономии или физиономию чисто казенную, Симбирск тоже почти, но Ярославль носит на каждом шагу следы древности, прежнего значения, прежней исторической жизни» [Аксаков, 1994, с. 6]. Аксакова интересовала история и религиозная жизнь города. Однако от его внимания не укрылось особое положение города между двумя столицами империи. Он обратил внимание на то, что

ярославцы были больше привязаны к Санкт-Петербургу, а не к географически более близкой Москве: «Сообщение ярославцев преимущественно с Петербургом Волгою и каналами» [Аксаков, 1994, с. 13]. Это важный момент и свидетельство в пользу того, что новые культурные веяния эпохи ярославские жители хотели получать, к великому сожалению славянофила Аксакова, из Санкт-Петербурга, а не из старинной столицы — Москвы.

Исследователи интеллектуальной истории пришли к выводу, что одним из признаков модерна стало широкое распространение традиции ведения дневников. Австрийский историк Криста Хэммерле отмечала, что дневники в переходную эпоху к модерности вели люди, склонные к самоисследованию [Reading, 2009 с. 142]. Для дневникового жанра характерна непосредственность, поскольку в дневник пишут почти посреди впечатлений и переживаний, следовательно, не допускается какого-либо подведения итогов задним числом. Дневники К. Д. Ушинского ярославского периода — это важный источник рефлексий человека середины XIX в. и одновременно самопроекция творческой личностью как повседневной действительности, так и впечатлений и переживаний от книг и пейзажей, формулирование религиозных мыслей, раздумий о преподавании. Все это соответствовало духу времени. Швейцарский писатель Готфрид Келлер выразил в 1838 г. формирующуюся традицию переходной модерна в шуточной форме: «мужчина без дневника (будь то на бумаге или в голове) подобен женщине без зеркала» [Reading, 2009, с. 143]. Г. Келлер полагал, что при помощи ведения дневника в XIX в. можно было повысить «интеллектуальную независимость», которая «сохранялась только посредством постоянного размышления и строгого самонаблюдения», а это «лучше всего достигалось через дневник» [См.: Reading, 2009, с. 143]. К. Д. Ушинский следовал этому правилу, ведя свой дневник. Многие говорят декабрьские 1849 г. записи в дневнике: «Нет, я опустел окончательно [...] Снова — самое строгое наблюдение над собой, над своим характером и способностями! Сделать как можно более пользы моему отечеству — вот единственная цель моей жизни» [Ушинский, 1952, с. 42–43].

В качестве причин прекращения работы К. Д. Ушинского в Демидовском лицее называют разные обстоятельства. Например то, что в 1847 г. он подал в совет лицея заявление с просьбой выписать новые книги для библиотеки. По-

печитель граф С. Г. Строганов значительную часть этих книг запретил выписывать, а на директора лицея возложил обязанность строго следить за содержанием читаемых курсов [Фролова, 20014]. Подозрения в нелояльности к власти и свободолюбии Ушинского усилились еще больше после того, как он начал редактировать в 1848 г. неофициальную часть «Ярославских губернских ведомостей». Общение профессоров с прессой в то время, как, впрочем, и в последующую эпоху, часто рассматривалось как нелояльное поведение в отношении властей. Однако публикации К. Д. Ушинского в «Ярославских губернских ведомостях» не могли вызвать упреков со стороны органов цензуры. Например, как выразился Ушинский, его «самым любопытным предметом для Ярославля» была Волга [Архив, 1962, с. 31]. Он опубликовал серию статей о великой русской реке «в географическом, статистическом и историческом отношениях» [Архив, 1962, с. 9]. Все тексты наполнены духом патриотизма.

Недовольство начальства вызвала опубликованная в 1949 г. речь К. Д. Ушинского «О камеральном образовании» [Гаврилова, 2018, с. 416]. В сентябре 1949 г. К. Д. Ушинский вынужден был подать заявление об увольнении из Демидовского лицея по состоянию здоровья. В декабре 1849 г. ярославский губернатор генерал А. П. Бутурлин написал записку товарищу министру народного просвещения о положении и настроениях в Демидовском лицее. В конфиденциальном документе губернатор утверждал, что «наблюдение и заботливость за студентами Демидовского лицея со стороны начальных лиц [...] достаточны и полезны». Однако, по мнению Бутурлина, в лицее появились возмутители спокойствия и творцы «большого своеволия»: профессора Ушинский и Львовский, «которые подали слишком невыгодное о себе понятие за свободу мыслей и передачу оных воспитанникам лицея» [Ушинский, 1952, с. 373]. Губернатор потребовал от министерства принять меры против «духа своеволия». Так закончился ярославский период жизни Ушинского.

Для понимания контекста начала творческого и преподавательского пути К. Д. Ушинского в Ярославле, важно посмотреть на дух времени, эпоху, которая в российской истории именуется как «николаевская». Император Николай I правил с 1825 по 1955 г. Историки дают весьма противоречивые характеристики этому тридцатилетнему периоду. Во внутренней политике действия николаевского правительства приводили к росту

государственного аппарата, налогообложения, а также расцвету взяточничества и бюрократизма. Приоритетными считались консервативные взгляды, опиравшиеся на теорию «официальной народности», и поддерживались идеи о совершенстве формы самодержавного правления, а также доказывалась вредность парламентаризма и конституционализма. Преуспевала цензура. Тем не менее в николаевской России существовали две либеральные партии, выступавшие за реформы и постоянно полемизировавшие между собой.

Славянофилы (И. В. Киреевский, К. С. Аксаков, И. С. Аксаков, Ю. Ф. Самарин) подчеркивали самобытность развития России, идеализировали традиционную крестьянскую общину, завышали роль Земских Соборов на Руси как органов сотрудничества народа и царской власти и критиковали проведенные Петром I преобразования.

Западники (В. Г. Белинский, Т. Н. Грановский, А. И. Герцен) представляли либеральное направление, стремившееся использовать европейский опыт. Среди них выделялся наставник К. Д. Ушинского по Московскому университету — профессор Т. Н. Грановский, которого он высоко ценил и который был старше Константина Дмитриевича всего на 10 лет. Грановский защитил в 1845 г. магистерскую диссертацию. Ушинский успел прослушать в 1843-1844 гг. первый курс публичных лекций Грановского по истории Средних веков. Грановский изучал историю на основе философии Гегеля и пришел к выводу, что исторический процесс развивается через преодоление противоречий в обществе. Грановский полагал, что главное достижение — это единство человеческой цивилизации, и доказывал, что Россия стала цивилизованным государством благодаря реформам Петра I. В чрезвычайно популярных лекциях, о которых сохранились восторженные отзывы современников, Грановский на примере западного средневековья доказывал необходимость расширения свободы граждан. Однако западники 1840-х гг., бросая вызов николаевскому царствованию с его мелочной регламентацией, в то же время видели в самодержавии потенциального союзника, способного возглавить движение за реформы [Высочков, 2003, с. 140].

Имеются свидетельства, что на выбор занятий педагогической наукой К. Д. Ушинского, а также на рекомендацию поехать преподавать в Ярославль повлиял профессор права Московского

университета П. Г. Редькин, занимавшийся еще и педагогикой. Редькин дружил с видными западниками: В. Г. Белинским, А. И. Герценом и Т. Н. Грановским. В одном из писем Ушинский упоминает о близких отношениях с Редькиным и Грановским: «Грановский был в деревне у Редькина и всех там очаровал своим изобретательным умом. Да, теперь я буду в прекрасных <условиях> и если и здесь обманусь не в них, в себе, то тогда останусь самим собой только самим собой» [Ушинский, 1952, с. 141]. Эти размышления К. Д. Ушинского указывают на стремление молодого человека, при всем уважительном отношении к учителям, сохранять свою интеллектуальную независимость.

Профессор СПбГУ Л. В. Высочков предложил оценивать эпоху Николая I не как застой и «царство спящего Кашея», а как время подготовки великих реформ 1860-х [Высочков, 2005, с. 79]. Л. В. Высочков не называет Николая I реакционером, каким его часто изображали политические противники и историки. По мнению современного историка, «он был консерватором, но “консерватором с прогрессом”, способным к определенным умеренным реформам сверху» [Высочков, 2003, с. 615]. Следовательно, в николаевскую эпоху Россия находилась либо в состоянии подготовки перехода к модерности/современности, либо в самом начале этого процесса. Поскольку творческий потенциал К. Д. Ушинского полностью раскрылся в эпоху реформ в 1860-х гг., Ярославский период его жизни второй половины 1840-х гг. полностью совпадает с определением «время подготовки реформ».

К. Д. Ушинский тонко понимал идейные и политические веяния эпохи. Его взгляды формировались под влиянием всех дискуссий того времени. Он настаивал на сохранении фундамента традиционной русской культуры для развития дидактики и народности общественного воспитания. Вместе с тем он использовал воззрения Т. Н. Грановского, его методы сравнения и сопоставления фактов из истории разных стран. К. Д. Ушинский опирался на зарубежный опыт. На примере США он доказал, что наибольших успехов в образовании добивались демократические страны, особенно высоко он оценивал опыт демократической организации народного образования в США, где, по его мнению, само существование государства «зависит от степени образования его граждан». Швейцарский опыт, по словам К. Д. Ушинского, показал, что народное

образование стало основой возрождения и подъема страны, «самой оживленной ее ареной для людей всех состояний и всех партий» [Днепров, 2007]. Впрочем, о народности педагогики и демократической организации образования Ушинский догадывался еще в университетский и ярославский периоды жизни. Он записал в дневнике 25 апреля 1845 г.: «Всякое учреждение, соответствующее духу народа, находит в нем отголосок, и всякое чуждое учреждение слабо» [Ушинский, 1952, с. 41].

Начало активной деятельности К. Д. Ушинского в ярославский период совпадало с подготовкой и началом глобальных перемен в экономике. Британский историк Эрик Хобсбаум подчеркивал: «Период настоящей всеобщей индустриализации наступил только после 1848 г». [Хобсбаум, 1999, с. 240]. Разумеется, Россия 1840-1850-х гг. сильно отличалась от Европы в плане перехода к индустриальному обществу. Тем не менее российский историк Б. Н. Миронов подчеркивает, что в России имперского периода «общество развивалось от традиции к модерну, в результате возникли передовые индустриальные технологии, а также соответствующие им политические, культурные, социальные механизмы, позволяющие указанные технологии поддерживать, использовать и управлять ими» [Миронов, 2018, с. 54]. Процессы модернизации вызывают раскрепощение людей, позволяют использовать полноту возможностей для культивирования своей индивидуальности [Люббе, 2016]. Следовательно, в России проходили те же процессы, которые инициировал переход к модерности в Европе: индустриализация, урбанизация, демократизация, свобода передвижения и формирование образованной, светски ориентированной личности. Вот эти перемены и новые тенденции почувствовал молодой К. Д. Ушинский. Самореализация Ушинского — это пример подобного процесса перехода к модерну (модерности).

Эпоху перехода России к модерности нельзя представлять как прямое движение к цели. Этот путь изобилует зигзагами и отступлениями. В России утвердился приоритет государства над обществом, примат коллектива над личностью, ограничение свободы индивидуума, централизация и бюрократизация. Асинхронность в развитии различных структур вела к асимметрии, которая создавала социальную напряженность в российском обществе [Миронов, 2003, с. 289]. Модернизация в области индустриализации и

урбанизации сильно опережала социальную и культурную модернизацию.

Заключение

Ярославский период активности стал коротким и довольно болезненным для К. Д. Ушинского. Отказ начальства Демидовского лицея принять предложения по усовершенствованию преподавания и донос губернатора Бутурлина в Министерство народного просвещения не прошли без неприятных последствий для Ушинского. Однако как сильная творческая личность он смог преодолеть эти «родимые метки» николаевской эпохи с жесткой цензурой и всевозможными ограничениями. Ярославский опыт укрепил чувство гражданственности, помог подготовить переход от «казенной службы» к истинному служению народному просвещению. Идеи К. Д. Ушинского оказались востребованными в России, когда начались реформы и наметился настоящий переход к современности.

Библиографический список

1. Аксаков И. С. Письма к родным, 1849-1856. Москва : Наука, 1994. 653 с.
2. Архив К. Д. Ушинского. Т. 4. Москва : Изд-во АПН РСФСР, 1962. 718 с.
3. Боголюбов Н. П. Волга от Твери до Астрахани. Санкт-Петербург : Издание общества «Самолет», 1862. 415 с.
4. Высочков Л. В. Николай I. Москва : Мол. гвардия, 2003. 693 с.
5. Высочков Л. В. Император Николай I. Проблемы и итоги изучения николаевской эпохи (Российская историография последнего десятилетия, 1996-2005 гг.) // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2005. Сер. 2. Вып. 4. С. 79-99.
6. Гаврилова Т. В. А. Н. Иванов как исследователь ярославского периода жизни и педагогической деятельности К. Д. Ушинского // Ярославский педагогический вестник. 2018. № 6 (105). С. 418-418.
7. Груздев М. В. Дата рождения К. Д. Ушинского: завершение дискуссии / М. В. Груздев, М. В. Новиков // Ярославский педагогический вестник. 2022. № 1 (124). С. 8-15.
8. Днепров Э. Д. Ушинский и современность. Москва : Издательский дом ГУ ВШЭ, 2007. 232 с.
9. Иванов А. Н. Константин Дмитриевич Ушинский в Ярославле. Исследования и документы о научно-педагогической и литературной деятельности. Ярославль : Кн. изд., 1963. 468 с.
10. Иванов А. Н. К. Д. Ушинский. Гимназист. Студент. Профессор. Ярославль : Верхне-Волжское кн. изд., 1973. 240 с.
11. Кюстин А. де. Россия в 1839 году : в 2 т. / пер. с фр. ; под ред. В. Мильчиной ; коммент.

В. Мильчиной и А. Осповата. Т. 2. Москва : Изд-во им. Сабашниковых, 1996. 480 с.

12. Люббе Г. В ногу со временем. Сокращенное пребывание в настоящем. Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. 456 с.

13. Миронов Б. Н. Модернизация имперская и советская // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2018. Т. 63. Вып. 1. С. 54-82.

14. Миронов Б. М. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.) : в 2 т. 3-е изд., испр., доп. Т. 2. Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2003. 582 с.

15. Нащокина М. В. Развитие Ярославля во II половине XIX — начале XX века // Academia. Архитектура и строительство. 2018. № 4. С. 43-50.

16. Хомяков М. Б. Модерность — путь к открытости будущего // Журнал социологии и социальной антропологии. 2009. Т. 12. № 2. С. 58-83.

17. Ушинский К. Д. Собрание сочинений : в 11 т. Т. 1. Ранние работы и статьи, 1846-1856 гг. Москва ; Ленинград : Изд-во АПН РСФСР, 1948. 739 с.

18. Ушинский К. Д. Собрание сочинений : в 11 т. Т. 11. Материалы биографические и библиографические. Москва ; Ленинград : Изд-во АПН РСФСР, 1952. 728 с.

19. Ушинский, Константин Дмитриевич // ЭСБЕ. Россия, Санкт-Петербург, 1890-1907. URL: ЭСБЕ / Ушинский, Константин Дмитриевич — Вики-тека (wikisource.org) (дата обращения: 22.01.2023).

20. Фролова О. Удалить Ушинского из лица... // Газета «Первое сентября». 2014. № 4. URL: <https://ps.1sept.ru/article.php?ID=201400410&ysclid=ld76liddv8z942418264> (дата обращения: 22.01.2023).

21. Хобсбаум Э. Век революции. Европа 1789-1848 / пер. с англ. Л. Д. Якуниной. Ростов-на-Дону : Феникс, 1999. 480 с.

22. Ярославль: История города в документах и материалах от первых упоминаний до 1917 года / под ред. А. М. Пономарева. Ярославль : Верхне-Волжское кн. изд-во, 1990. 432 с.

23. Reading primary sources: Reading primary sources: The interpretation of texts from nineteenth and twentieth century history / Edited by Miriam Dobson and Benjamin Ziemann. London : Routledge, 2009. 270 p.

Reference list

1. Aksakov I. S. Pis'ma k rodnym, 1849-1856 = Letters to relatives, 1849-1856. Moskva : Nauka, 1994. 653 s.

2. Arhiv K. D. Ushinskogo = Archive of K. D. Ushinsky. T. 4. Moskva : Izd-vo APN RSFSR, 1962. 718 s.

3. Bogoljubov N. P. Volga ot Tveri do Astrahani = Volga from Tver to Astrakhan. Sankt-Peterburg : Izdanie obshhestva «Samolet», 1862. 415 s.

4. Vyskochkov L. V. Nikolaj I = Nicholas I. Moskva : Mol. gvardija, 2003. 693 s.

5. Vyskochkov L. V. Imperator Nikolaj I. Problemy i itogi izuchenija nikolaevskoj jepohi (Rossijskaja istoriografija poslednego desjatiletija, 1996-2005 gg.) = Emperor Nicholas I. Problems and results of the study of the Nikolaev era (Russian historiography of the last decade, 1996-2005) // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. 2005. Ser. 2. Vyp. 4. S. 79-99.

6. Gavrilova T. V. A. N. Ivanov kak issledovatel' jaroslavskogo perioda zhizni i pedagogicheskoy dejatel'nosti K. D. Ushinskogo = Ivanov as a researcher of the Yaroslavl period of life and pedagogical activity of K. D. Ushinsky // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2018. № 6 (105). S. 418-418.

7. Gruzdev M. V. Data rozhdenija K. D. Ushinskogo: zavershenie diskussii = Date of birth of K. D. Ushinsky: conclusion of the discussion / M. V. Gruzdev, M. V. Novikov // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2022. № 1 (124). S. 8-15.

8. Dneprov Je. D. Ushinskij i sovremennost' = Ushinsky and modernity. Moskva : Izdatel'skij dom GU VShJe, 2007. 232 s.

9. Ivanov A. N. Konstantin Dmitrievich Ushinskij v Jaroslavle. Issledovanija i dokumenty o nauchno-pedagogicheskoy i literaturnoj dejatel'nosti = Konstantin Dmitrievich Ushinsky in Yaroslavl. Research and documents on scientific, pedagogical and literary activities. Jaroslavl' : Kn. izd., 1963. 468 s.

10. Ivanov A. N. K. D. Ushinskij. Gimnazist. Student. Professor = K. D. Ushinsky. Gymnasium student. Student. Professor. Jaroslavl' : Verhne-Volzhscoe kn. izd., 1973. 240 s.

11. Kjustin A. de. Rossija v 1839 godu = Russia in 1839 : v 2 t. / per. s fr. ; pod red. V. Mil'chinox ; komment. V. Mil'chinox i A. Ospovata. T. 2. Moskva : Izd-vo im. Sabashnikovyh, 1996. 480 s.

12. Ljubbe G. V nogu so vremenem. Sokrashhennoe prebyvanie v nastojashem = Keeping up with the times. Reduced stay in the present. Moskva : Izd. dom Vyshej shkoly jekonomiki, 2016. 456 s.

13. Mironov B. N. Modernizacija imperskaja i sovetskaja = Modernization imperial and Soviet // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istorija. 2018. T. 63. Vyp. 1. S. 54-82.

14. Mironov B. M. Social'naja istorija Rossii perioda imperii (XVIII — nachalo XX v.) = The social history of Russia during the empire (XVIII — early XX centuries) : v 2 t. 3-e izd., ispr., dop. T. 2. Sankt-Peterburg : Dmitrij Bulanin, 2003. 582 s.

15. Nashhokina M. V. Razvitie Jaroslavlja vo II polovine XIX — nachale XX veka = The development of Yaroslavl in the II half of the XIX — early XX centuries // Academia. Arhitektura i stroitel'stvo. 2018. № 4. S. 43-50.

16. Homjakov M. B. Modernost' — put' k otkrytosti budushhego = Modernity is the path to openness of the future // Zhurnal sociologii i social'noj antropologii. 2009. T. 12. № 2. S. 58-83.

17. Ushinskij K. D. Sobranie sochinenij = Collected works : v 11 t. T. 1. Rannie raboty i stat'i, 1846-1856 gg. Moskva ; Leningrad : Izd-vo APN RSFSR, 1948. 739 s.
18. Ushinskij K. D. Sobranie sochinenij = Collected works : v 11 t. T. 11. Materialy biograficheskie i bibliograficheskie. Moskva ; Leningrad : Izd-vo APN RSFSR, 1952. 728 s.
19. Ushinskij, Konstantin Dmitrievich = Ushinsky, Konstantin Dmitrievich // JeSBE. Rossiya, Sankt-Peterburg, 1890-1907. URL: JeSBE / Ushinskij, Konstantin Dmitrievich — Vikiteka (wikisource.org) (data obrashhenija: 22.01.2023).
20. Frolova O. Udalit' Ushinskogo iz liceja... = Remove Ushinsky from the Lyceum... // Gazeta «Pervoe sentjabrja». 2014. № 4. URL: <https://ps.1sept.ru/article.php?ID=201400410&ysclid=ld76lddv8z942418264> (data obrashhenija: 22.01.2023).
21. Hobsbaum Je. Vek revoljucii. Evropa 1789-1848 = Century of Revolution. Europe 1789-1848 / per. s angl. L. D. Jakuninoj. Rostov-na-Donu : Feniks, 1999. 480 s.
22. Jaroslavl': Istorija goroda v dokumentah i materialah ot pervyh upominanij do 1917 goda = Jaroslavl': The history of the city in documents and materials from the first mentions to 1917 / pod red. A. M. Ponomareva. Jaroslavl' : Verhne-Volzhscoe kn. izd-vo, 1990. 432 s.
23. Reading primary sources: Reading primary sources: The interpretation of texts from nineteenth and twentieth century history / Edited by Miriam Dobson and Benjamin Ziemann. London : Routledge, 2009. 270 p.

Статья поступила в редакцию 08.11.2022; одобрена после рецензирования 09.12.2022; принята к публикации 19.01.2023.

The article was submitted on 08.11.2022; approved after reviewing 09.12.2022; accepted for publication on 19.01.2023.